

В сезон дождей солнце появлялось редко. Когда первую партию семян тунга доставили в племя, Цзин Цюй велел поставить каменный котел, чтобы обжарить семена на огне.

Каменный котел, который заменили глиняным, наконец нашел применение. Собранные семена Цзин Цюй решил наполовину обжарить, наполовину просто высушить.

Обжаренные семена можно было использовать для выжимки масла, получая чистое тунговое масло. Оно было более густым и быстро застывало, подходя для пропитки и ухода за мебелью.

Сырое тунговое масло можно было использовать для масляных ламп и изготовления мыла. Остатки после выжимки масла можно было использовать как удобрение или для уничтожения вредителей!

Отряд собирателей продолжал приносить семена в племя, а старейшины племени помешивали семена в каменном котле, обжаривая их. Цзин Цюй размышлял.

Он думал о том, как выжимать тунговое масло. Выжимка масла заключалась в том, чтобы сначала раздробить или размолоть семена, и по мере их измельчения выделялось масло!

Но такой способ давал низкий выход масла, и главное было в том, чтобы после измельчения собрать жмых, завернуть его в листья дерева Мянъянь, сформировать лепешки и поместить их в углубление.

Затем, оказывая давление или ударяя по углублению, масло вытекало через щели, и его можно было собрать в миску.

Решив действовать, Цзин Цюй начал с изготовления каменных жерновов. Это были круглые основания с цилиндрическим камнем сверху, который можно было катить.

Если сделать жернова большими, можно было прикрепить к ним деревянный рычаг и запрячь скот для вращения... хотя скота пока не было.

Но это не мешало Цзин Цюю мечтать. Как говорится, нет ничего невозможного, если есть мечта! Он мог мечтать, и однажды это обязательно осуществится.

Сейчас же Цзин Цюй смотрел на свои маленькие жернова, утешая себя тем, что это всего лишь модель, а когда Шань и другие вернутся, они сделают большие!

Изготовив жернова, Цзин Цюй продолжил работать с деревом, сделав глубокую деревянную раму с доской на дне, плотно закрепленной по краям.

Затем он вырезал толстую доску, подходящую по размеру к углублению, чтобы, когда лепешки с маслом будут помещены внутрь, можно было надавить на них и выжать масло.

Когда оба инструмента были готовы, первые обжаренные семена, как сырые, так и жареные, уже лежали в корзине рядом с ним.

Цзин Цюй начал выжимать масло, сначала раздавив высушенные семена, завернув их в лепешки и поместив в углубление, а затем ударив по доске сверху.

Когда он увидел, как прозрачное, слегка золотистое масло начало вытекать через щели, он наконец вздохнул с облегчением, присев, чтобы рассмотреть его.

Люди в племени были еще более взволнованы:

— Масло! Это масло, оно ярче и красивее, чем вытопленное из жира. Это действительно масло! Черные плоды дают масло!

— Это действительно масло, выглядит так красиво, хотя пахнет немного странно.

— Жаль, что Цзин сказал, что его нельзя есть. Оно такое красивое, почему его нельзя есть?

Говоря это, они невольно облизывали губы, вспоминая аромат жареного жира.

— Цзин сказал, что оно ядовито, если съесть, заболит живот, будет плохо, может даже умереть. Так что не вздумай попробовать!

— Врешь, я всегда слушаю Цзина, как я могу попробовать?!

— Если это масло нельзя есть, то для чего оно?

— Для ламп. — Цзин Цюй поднялся, опираясь на жезл, и объяснил окружающим. — После наступления темноты наше племя не может заниматься делами.

— Теперь, с этим тунговым маслом, мы сможем зажечь лампы, и со светом нам больше не придется сидеть в темноте в пещерах.

Он попросил Цао сбежать в его пещеру и принести глиняную чашу, наполовину наполнил ее тунговым маслом и поместил туда фитиль, сделанный из листьев дерева Мянмянь.

Зажег лампу с помощью огня племени, и фитиль медленно загорелся. Лампочка была крошечной, освещая лишь небольшое пространство.

Но сама идея лампы имела глубокий смысл.

Он держал чашу, слегка улыбаясь:

— Эта половина чаши масла может гореть всю ночь, ее можно оставить в пещере, не боясь пожара.

Затем он увидел, что окружающие смотрели на него в полном недоумении, и слегка покачал головой, поставив чашу в сторону, и продолжил руководить выжимкой масла.

Это было невозможно объяснить, только когда племя начнет использовать лампы, они поймут их преимущества, и тогда уже не смогут без них обойтись.

Когда Шань вернулся с охотничьим отрядом, в племени уже выжали около пятидесяти килограммов тунгового масла, разделенного на сырое и жареное, и разлитого в глиняные горшки.

Лампа, которую зажег Цзин Цюй, горела уже более четырех часов, и за это время он дважды подрезал фитиль, но масло в чаше еще не закончилось.

Шань издали увидел, как в чаше горит огонь, и очень удивился, бросив добычу и подойдя к Цзин Цюю:

— Что это? Почему в чаше горит огонь?

Цзин Цюй улыбнулся:

— Это лампа, она светит ночью.

Шань слегка замер:

— Светит ночью?! Как долго она горит? Она никогда не гаснет?

Цзин Цюй покачал головой:

— Она погаснет, когда масло закончится. Этой половины чаши хватит на всю ночь.

Шань с радостью начал ходить вокруг лампы, а Цзин Цюй слегка удивился: неужели Шань понял преимущества лампы?! У него хватило ума?!

Е, стоя рядом, вдруг объяснил:

— Янь ночью хотела пить, упала в ручей и утонула. Она не видела дороги.

Цзин Цюй слегка обдумал его слова. В прошлом кто-то из племени ночью пошел к ручью, упал в воду и утонул.

Вероятно, это был родственник Шаня, поэтому он так хорошо запомнил это и понял важность света ночью.

Цзин Цюй почувствовал легкую грусть:

— Я уже попросил Му начать делать глиняные лампы. Теперь в племени ночью будет светло.

Шань был в восторге, услышав, что лампы работают на тунговом масле, и сразу же взялся за выжимку масла вместе с отрядом собирателей.

Они работали допоздна, пока не выжали все масло, и к тому времени, как масло закончилось, уже стемнело. Цзин Цюй воспользовался моментом, чтобы наполнить несколько глиняных чаш маслом.

Он зажег более десяти ламп в племени, и хотя свет не был ярким, как днем, его хватало, чтобы видеть, что делаешь. Люди в племени никогда не занимались делами ночью.

При свете ламп они могли видеть друг друга и сразу поняли важность ламп, начав с энтузиазмом выжимать масло.

Когда все масло было выжато и разлито в глиняные чаны, они все еще не хотели идти спать, желая посмотреть, как долго будут гореть лампы.

Цзин Цюй:

— Ладно, все идите спать. Через пару дней получите свои лампы, и у вас будет много времени их использовать. Завтра еще работать будем, идите, идите.

Некоторые все еще не хотели уходить, и Цзин Цюй сдался:

— Возьмите эту чашу с собой, а когда получите свою лампу, вернете ее.

Тут же все бросились хватать чаши, и воины, как самые проворные, успели схватить их, радостно неся в свои пещеры.

Остальные, разочарованные, отправились спать.

Цзин Цюй взял свою грубую фарфоровую чашу, освещая путь в пещеру, а Е шел за ним, медленно направляясь внутрь.

Это был первый раз, когда Цзин Цюй засиделся допоздна в племени, и он чувствовал сонливость. Вернувшись в пещеру, он погасил лампу и лег спать, крепко заснув.

Проснувшись на рассвете, он, как обычно, сначала занялся медитацией. Он чувствовал, что вчера был на грани прорыва, но пока не мог понять суть этой техники.

Он продолжал упорно тренироваться, шаг за шагом.

Закончив медитацию, он вышел из пещеры, чтобы проверить свои семена.

Юй подбежала к его пещере, возбужденно жестикулируя и болтая о лампах:

— Цзин! Лампы такие удобные, даже лучше, чем ведра!

— С лампой можно видеть все в пещере. Я и Бэй вернулись в пещеру, она заточила все наши каменные ножи, а я починила ее одежду из шкур.

— Лампа все еще горела, с лампой можно сделать так много вещей: починить одежду, сплести корзину, заточить ножи. Лампы такие полезные!

Цзин Цюй кивнул:

— Вот почему я хотел выжать масло.

Он наклонился, чтобы посмотреть на свои пять драгоценных семян, из которых уже выросли растения. Одно из них, с сердцевидными листьями, уже выпустило лозу длиной в фут.

Оно все больше напоминало плющ, и Цзин Цюй раздраженно подумал, что ему от плюща никакого толку?! Где же обещанная удача?!

Нахмурившись, он оторвал лист, и из него брызнул белый сок.

Цзин Цюй:

«...?! Сок батата!»

Неужели он действительно был счастливым, благословенным богами?! Это был не плющ, а батат! Батат с урожайностью 6 000 килограммов с гектара!

Узнав, что одно из пяти чудесных семян, которые он посадил, было бататом, Цзин Цюй слегка удивился.

Ведь батат размножается черенками, а семена — это корни батата, а он посадил пять маленьких черных семян, немногим больше кунжутных.

Затем он вспомнил, что это были чудесные семена, подаренные системой... если бы они были обычными, то не были бы чудесными!

Вспомнив, что семена, из которых выросла роза, он тоже посадил без подготовки, и они

прекрасно выросли и зацвели.

<http://bllate.org/book/16898/1556718>